

Куватгра. - 1998. - 9-15 апр. -

С детства знал полифонию 0.5

Тбилиси вспоминает Таривердиева

В центре Тбилиси, в старом районе Сололаки, что лепится к горе Мтацминда и возвышается над городом, стоит трехэтажный особняк в барочных завитках, с колоннами и атлантами. У подъезда — мемориальная доска: в этом доме жил с 1931 по 1948 год композитор Микаэл Таривердиев. Да, именно здесь он родился и провел первые 17 лет жизни. И этот город всегда жил в его душе и в его музыке. «Полифоническим городом» называл Таривердиев Тбилиси и, как никто другой, мог различать в его многоголосье оттенки звуков и чувств. Здесь он родился и как композитор. Первая премьера состоялась в Тбилисском театре оперы и балета: учащиеся хореографического училища исполнили его маленькие балеты. Ему было тогда 16 лет...

В один из первых солнечных дней наступающей весны у мемориальной доски собралось множество людей. Никакая дата не отмечалась — Тбилиси просто вспоминал композитора и его музыку.

Вечер памяти, устроенный стараниями Министерств культуры России и Грузии при участии российского посольства, проходил неподалеку, в Доме работников искусств. Действительно, «для любви нет срока», как точно сказала жена композитора Вера Таривердиева. Дом работников искусств собрал не только поклонников музыки Таривердиева, но и многих из тех, кто знал его лично, — кто-то помнил с детства, кто-то работал с ним. Здесь вспоминали нечто такое, что, казалось бы, мог вспомнить только он сам: как он любил лазить по крышам, как бегал к соседям играть на рояле, пока у хозяина не лопнуло терпение, и тогда родителям пришлось купить ему инструмент. Таривердиев рано остался без отца — его арестовали в 37-м. Мать была учительницей, происходила из знаменитого армянского рода Акоповых. Один дядя был «городской голова», о другом и вовсе ходили легенды: когда он отправлялся кутить, то нанимал сразу три экипажа — в одном ехал сам, в другом — его шляпа, в третьем — трость.

Для многих присутствовавших Таривердиев пришел в большую

музыку из их детства, из знаменитой 43-й школы в Сололаки, где его в шутку называли Почтивердиев, имея в виду Джузеппе Верди. Из воспоминаний школьных друзей, собранных по крохам физиком, поэтом и переводчиком Натаном Баазовым, возник неизвестный доселе портрет юноши Таривердиева. Гарик, как называли его домашние и близкие, никогда не отличался большим прилежанием в учебе. И вот в альбоме их класса появился шарж Димы Эристави (ныне профессора Тбилисской академии художеств): длинный Таривердиев и рядом отличник очень маленького роста. Подпись гласила: «Дистанция огромного размера» — они проходили в то время Грибоедова.

Говорят, Гарик был ужасным непоседой, не любил учиться даже музыке. Если бы не настойчивость матери и пленительное пение ее сестры, веселой и жизнерадостной студентки консерватории, обожавшей Шуберта, он, может быть, и не стал бы композитором. И тем не менее был, что называется, музыкантом от Бога, мог моментально воспроизвести на пианино все, что слышал, и бесконечно импровизировал.

Вспоминали Таривердиева и композитор Важа Азарашвили, и Софико Чиаурели, снимавшаяся в последнем фильме, к которому он написал музыку. Разумеется, на вечер звучали песни Таривердиева — в исполнении трио «Меридиан». А завершился он как раз просмотром последнего «таривердиевского» фильма — «Я обещала, я уйду» режиссера Валерия Ахадова. Мелодрама, рассказывающая о любви русской девушки и грузинского парня, оказалась удивительно созвучна настроению зала. Чему, конечно, немало способствовала и тревожно-проникновенная музыка Таривердиева.

Хотя бы на несколько часов возникло удивительное, столь необходимое сейчас чувство единения... Прав был посол России Феликс Станевский, назвавший Таривердиева символом дружбы для всех, кто еще недавно жил в едином пространстве.

Соб. инф.